К 125-летию Мухтара Ауэзова

Диар Кунаев

директор НКЦ «Дом Ауэзова», кандидат филологических наук

РОМАН-ЭПОПЕЯ М. АУЭЗОВА «ПУТЬ АБАЯ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Восприятие романа «Путь Абая» его современниками-писателями, критиками, связанное в основном с положительной оценкой его творчества, не может рассматриваться обособленно от той негативной критики, которая преследовала писателя в определенные годы. Недаром, выступая 12 декабря 1954 года на заседании секретариата Союза писателей СССР, М. Ауэзов при обсуждении доклада А. А. Суркова на II Всесоюзном съезде советских писателей «О состоянии и задачах советской литературы» коснулся вульгаризаторской критики: «...где вы говорите о “Новом мире”, – критику Казакевича и Гроссмана надо отделить. А получается так, что они критикованы справедливо. И надо сказать, что и в национальных республиках велся этот разговор на изничтожение писателей. На съезде писателей говорилось, что в Казахстане отношение к интеллигенции было такое, что можно назвать диким, хулиганским отношением, там было направление на уничтожение всего, что писали. Это надо разграничить...

...С другой стороны, тема насчет вульгарного социологизма – тоже живет. А то, что делалось в Киргизии? Это типичное левацкое заезжательство. А что было в Казахстане вокруг ЦК насчет эпоса, и т. д. Разве здесь кроме правильной критики не было плясания на трупах типичных вульгаризаторов?..» [1]

Самому М. Ауэзову за годы его активной творческой деятельности пришлось пережить немало незаслуженных упреков, предвзятых, ложных обвинений в идеологических ошибках, в частности, в пропаганде в художественном творчестве и научно-исследовательской работе националистических идей. М. Ауэзов, как и многие другие выдающиеся представители казахской творческой интеллигенции, испытал на себе деятельность административно-командной бюрократической машины власти, созданной Сталиным, во всей ее жестокости. В наше время нельзя замалчивать подлинные обстоятельства жизни М. Ауэзова, которая отнюдь не состояла из одних успехов и всеобщего признания. На всем протяжении жизни, а особенно начиная с 1930-х годов, когда писатель два года находился в заключении по обвинению в национализме, М. Ауэзову пришлось вынести множество тягот и страданий, подвергаясь политическим обвинениям и незаслуженной хуле.

10 июня 1932 года в газетах «Казахстанская правда» и «Социалистік Қазақстан» было опубликовано открытое письмо М. Ауэзова, в котором он заявляет о прекращении своей «контрреволюционной деятельности», связанной с «искажением исторической правды» в его ранних произведениях.

Вынужденное признание несуществующей вины, отказ от своих лучших произведений той поры были условием выхода на свободу.

В эти годы в республике набирает силу кампания по выявлению «буржуазно-националистических элементов» среди интеллигенции. Лидер КазАППа М. Каин-Назаров пишет в своей книге «Казахская литература в борьбе с буржуазными влияниями»: «...Прошлое нашей казахстанской литературы характеризовалось тем, что на этом фронте господствующее положение занимала алаш-орда, буржуазно-националистическая интеллигенция. Она была представлена крупными деятелями буржуазно-националистического движения – Байтурсуновым, Ауэзовым, Аймаутовым, Кеменгеровым и др. Они в дни революции организовали свою контрреволюционную партию "Алаш", направляя ее политическое острие против коммунистической партии, против советской власти» [2].

В книге, написанной в жанре «политического доноса» и составленной по рецептам идеолога рапповского движения Л. Авербаха, также утверждается: «После того, как алаш-орда была разгромлена, Ауэзов вступает в партию и работает в советских органах. Своей работой он принес нам очень много вреда, особенно в области культурного строительства: печать, театр, школа и т. д. Ауэзов, так же как и Байтурсунов, до самых последних дней является контрреволюционным писателем. История писательской деятельности Ауэзова – история борьбы его с пролетарской идеологией» [2, с. 6–7].

Стремясь опорочить писателя, приклеить ему ярлыки «контрреволюционера», «алашордынца», М. Каип-Назаров в одной из своих многочисленных статей выдвигает следующее обвинение против М. Ауэзова: «Сейчас у нас находится сборник стихотворений Абая с предисловием М. Ауэзова, где он показывает феодально-патриархального Абая как революционного общенационального поэта» [3].

Рассматривая творческую судьбу М. Ауэзова, можно прямо сказать, что лишь последние семь лет жизни писатель провел спокойно, в том смысле, что, получив наконец полное и заслуженное признание, имел возможность работать, не теряя времени, нервов, душевных сил на защиту от необоснованных обвинений. До этого же надуманный «груз прошлого» всегда давил на М. Ауэзова. Он был связан, кроме приписываемых ему идейных ошибок в творчестве, со сложной биографией писателя.

Как известно, с ноября 1919 года с установлением советской власти в Семипалатинской области М. Ауэзов принял самое активное участие в общественно-политической жизни края, его революционных преобразованиях. Он был принят в члены РКП(б) Семипалатинской городской партийной организацией в декабре 1919 года. С этого времени по 1 февраля 1920 года М. Ауэзов заведовал инородческим подотделом в Семипалатинском губревкоме, состоял членом президиума, а с июня 1921 года был председателем Семипалатинского губисполкома. 10 октября 1921 года М. Ауэзов вошел в состав Президиума КирЦИКа, после чего переехал в Оренбург. Однако, чувствуя свое призвание к писательскому труду и желая продолжить образование, М. Ауэзов самовольно оставляет пост

секретаря КирЦИКа и без разрешения партийных органов в 1922 году уезжает на учебу в Среднеазиатский государственный университет в Ташкент. В 1923 году М. Ауэзов был исключен из партии Оренбургской партийной организацией за нарушение партийной дисциплины и национализм.

Обвинения в национализме, связанные с его творчеством 1920-х годов, преследовали его до середины 1950-х. Лишь в 1960 году впервые были переизданы его ранние рассказы и повести в сборнике под названием «Караш-Караш». Публикация его повести «Лихая година» на русском и казахском языках приходится на 70-е годы, пьесы «Хан Кене» – на начало 80-х годов. Таким образом, все его ранние произведения, находившиеся долгое время под запретом или осуждавшиеся, уже давно стали признанной казахской классикой. Вместе с тем, анализ архивных материалов, журнальных и газетных публикаций конца 40-х – начала 50-х годов дает возможность рассмотреть и трагические эпизоды из жизни М. О. Ауэзова, обрисовать сквозь призму непростой судьбы писателя и его главной книги литературную и общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в Казахстане в эпоху «позднего сталинизма».

Печально знаменитое постановление ЦК ВКП(б) в журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года, положившее начало кампании травли М. Зощенко и А. Ахматовой, было взято на вооружение «неистовыми ревнителями» идеологической чистоты пролетарского искусства и в Казахстане. В республиканской печати начали появляться статьи, в которых «подвергались резкой критике безродные космополиты, буржуазные националисты, пантюркисты, панисламисты, алашордынцы» и т. д. В постановлении ЦК КП(б) Казахстана в 1947 году «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы АН КазССР» содержится следующая оценка научной деятельности казахстанских филологов: «Идеология феодально-родового строя казахов, одностороннее освещение роли представителей казахской литературы прошлого, отрицание или затушевывание классовой борьбы в дореволюционном казахском ауле, некритическое отношение к феодально-реакционным, буржуазно-националистическим взглядам, проявляющимся в творчестве ряда деятелей казахской литературы в отрыве от материальной жизни общества, от классовой борьбы – все эти грубые политические ошибки свидетельствуют о том, что Институт отошел от марксизма-ленинизма в важнейших вопросах идеологической работы» [4, с. 50].

За допущенные грубые политические ошибки директор института Е. Исмаилов освобождается от занимаемой должности. Ему, в частности, вменяется в вину, что в написанном им в соавторстве с Х. Джумалиевым учебнике по казахской литературе для средних школ говорится о творчестве декадентского поэта Ш. Букеева, лидера алаш-ордынской партии О. Карашева.

Выступления политических деятелей были построены по единой схеме: обличение научных и художественных произведений с точки зрения задач текущего момента, нашедших отражение в постановлениях партии и правительства, выявление соответствия их содержания положениям «Краткого курса истории ВКП(б)», приклеивание ярлыков представителям творческой интеллигенции, определение их политической позиции.

В 1944 году было принято специальное постановление ЦК ВКП(б), вскрывшее ошибки Татарского обкома партии по вопросу о ханско-татарском эпосе «Едиге». Этот документ послужил толчком к проведению широкой кампании по

разоблачению панисламистов и пантюркистов всех мастей. В печатных органах советского Востока стали появляться материалы, «обнажавшие реакционную сущность» значительной части фольклорного наследия народов этого региона.

В постановлении ЦК КП(б) от 21 января 1947 года казахские акыны Дулат, Мурат, Шортанбай определены как ханские певцы. Один из существенных просчетов, допущенных М. Ауэзовым при работе над первым томом эпопеи «Путь Абая», по мнению некоторых новорапповских критиков, заключался в том, что среди учеников главного героя книги оказались акыны – представители эксплуататорских слоев степного феодально-родового общества.

В первые послевоенные годы появляется ряд партийных документов, в которых содержится новая интерпретация событий, связанных с историческим актом присоединения Казахстана к России. В это время пересматривается значение деятельности тех исторических личностей, которые по новым оценкам попали в разряд выразителей националистических устремлений, носителей националистической идеологии.

10 мая 1951 года было принято постановление Президиума АН КазССР «О мероприятиях по реализации постановления бюро ЦК от 10 апреля 1951 года “О статье в газете «Правда» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана»”».

В 1951 году появилось специальное постановление ЦК КП(б) «До конца вскрыть буржуазно-националистические извращения в вопросах истории Казахстана», в котором ряд ученых, в первую очередь Е. Бекмаханов, обвинялись в попытках идеализации Кенесары Касымова, предводителя восстания в XIX веке.

Творчество многих поэтов и писателей подвергается в эти годы идеологической экспертизе. Критиками берутся на вооружение изобретенные теоретиками РАППа и ЛЕФа принципы восприятия художественного произведения. В частности, большую популярность получает в конце 1940-х годов разработанная рапповцами классификация писателей на пролетарских, буржуазных и «попутчиков». Правда, в эпоху позднего сталинизма появляется совершенно новая категория художников-космополитов. Однако это не меняет сущности метода, ориентированного на освещение биографии писателя и определение его социального происхождения, политических взглядов.

Идеологи пролетарской культуры послевоенного периода также подхватили лефовские лозунги о прикладной направленности творческой продукции, о необходимости делать акцент на агитационно-пропагандистских функциях произведений искусства.

Освещение материалов, вышедших с 1946 по 1951 год, то есть после постановлений о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре Большого театра», и впрямую не связанных с данной темой, необходимо для воссоздания атмосферы, царившей в те годы, для отражения целостной картины событий, предшествовавших оживленной полемике о романе «Путь Абая» 1951–1953 годов.

В начале 50-х годов была предпринята очередная попытка дискредитации научных и литературных произведений М. Ауэзова. В многочисленных печатных и устных выступлениях, статьях идеологических работников содержатся призывы к пересмотру сложившихся оценок жизненного и творческого пути М. Ауэзова. Авторы некоторых работ на основе анализа фактов биографии писателя, его статей, рассказов, повестей, пьес делают вывод о том, что М. Ауэзов

никогда не изменял своим националистическим взглядам, как приверженец идей Алаш-Орды.

На состоявшейся в 1951 году дискуссии по абаеведению М. Ауэзов был обвинен в воспевании феодализма в романе об Абае, рассмотрении поэтической школы Абая с буржуазно-националистических позиций.

В результате этого М. Ауэзов должен был учесть упрощенные трактовки истории литературы Казахстана XIX века, оценки поэтического наследия Абая, в творчестве которого были синтезированы культурные ценности Востока, Запада и России. Под давлением этой критики М. Ауэзовым вносятся поправки в роман об Абае (3-я книга) в размере 8 п. л., вводятся соответствующие изменения в читаемый курс лекций по проблемам абаеведения. Но и эти вынужденные меры не приносят писателю избавления от несправедливых упреков.

После известной статьи в «Правде» о реакционной сущности движения Кенесары Касымова и постановлении ЦК КП(б) по этому вопросу М. Ауэзову вновь ставят в серьезную вину его пьесу «Хан Кене», написанную в 1928 году, хотя она никогда не публиковалась и не входила в репертуар театров.

Впервые эта пьеса была напечатана только в 1983 году, будучи включенной в собрание сочинений М. Ауэзова в 20 томах.

Второе обвинение, связанное с именем Кенесары Касымова, заключалось в том, что отношение М. Ауэзова к этому вопросу в редакторской работе по первому тому «Истории казахской литературы», вышедшему в свет в 1948 году, и определило его критерии в оценке образцов казахского фольклора.

В этих трудных условиях опорой для М. Ауэзова, наряду с его искренними друзьями-коллегами в Казахстане, была действенная дружеская поддержка русских писателей, стремившихся защитить его от местных идеологических политиканов. Об этом говорит письмо к А. А. Фадееву в декабре 1951 года, где М. Ауэзов, в частности, писал: «Искренне и глубоко осознав свою личную ответственность в поднятых партией требованиях правильного, идейно-воспитательного воздействия на сознание масс, я решил ответить не только заявлениями, декларациями, но делом, то есть своим художественно-творческим трудом... Результатом этих моих устремлений и усилий явился роман “Путь Абая”, напечатанный в 8 и 9 номерах журнала “Знамя”...

Дорогой Александр Александрович... Я хотел бы лишь одного, чтобы хоть в Союзе писателей и хотя бы в одном Вашем лице роман был бы понят и учтен той своей идеей, которой определяется вся сущность данного произведения. С сердечным приветом, Мухтар Ауэзов» [5].

В прессе русские писатели и критики, вопреки мнению республиканских идеологических руководителей, давали обширные положительные рецензии на творчество М. Ауэзова и на его главный труд-эпопею «Путь Абая». На заседаниях секретариата Союза писателей СССР после обращения М. Ауэзова объективно разбиралось положение, создавшееся по отношению к писателю в Казахстане, и руководство СП СССР брало писателя под защиту.

Однако и литературоведческие изыскания, ориентированные на целостный анализ произведений М. Ауэзова, подвергаются серьезной критике в партийной печати. Так, 30 января 1953 года в газете «Правда» была опубликована статья П. Кузнецова «Величание вместо критики», в которой содержался негативный отзыв о книге З. Кедриной «М. Ауэзов».

«З. Кедрина затушевывает такой недостаток в творчестве М. Ауэзова, как идеализация феодально-родовой старины и сглаживание классовых противоречий казахского аула», – пишет П. Кузнецов.

Эта статья, опубликованная в газете, выражающей мнение ЦК ВКП(б), была воспринята как сигнал к новым массированным атакам на М. Ауэзова.

В том же 1953 году «Вестник АН КазССР» № 4 публикует статью С. Нурушева «До конца искоренить буржуазно-националистические извращения в изучении творчества Абая», целиком направленную против научно-исследовательской деятельности М. Ауэзова – ученого-абаеведа. С. Нурушев – кандидат филологических наук был, по существу, ученым ниже среднего уровня, но сама система в этот период выдвигала на первый план людей именно такого типа, которые с особым личным рвением, четко и прямолинейно выполняли волю директивных органов.

Так, С. Нурушев далее в своей статье пишет: «...нашей общественности известно, что М. Ауэзов в своей прошлой литературной и литературоведческой деятельности допускал серьезные националистические ошибки, которые он по существу не пытался даже исправить. Его прошлые ошибки являются источником последующих ошибок, потому что М. Ауэзов до последнего времени не сумел преодолеть свое явное преклонение перед стариной, перед феодально-байским прошлым, не освободился от буржуазно-националистической идеологии» [6, с. 7].

С. Нурушев систематизирует и обобщает факты из жизни М. Ауэзова до 1932 года, доказывающие причастность М. Ауэзова к алаш-ордынской организации: «...в 1917 году со страниц журнала “Абай”, редактором которого являлся М. Ауэзов, писатель призывал вступить в ряды алаш-ордынской молодежи; в 20-е годы он разработал концепцию “литературной школы” Абая, состоящей из поэтов, выступающих против связи казахов с русскими, “контрреволюционную теорию” “Зарзаман”, согласно которой произведения реакционных акынов второй половины XIX века выдавались за казахскую народную литературу, выражающую “скорбь” народа якобы в связи с русским засильем» [6, с. 8]. С. Нурушев обрисовывает одностороннюю картину развития казахской литературы XIX века, которая была пронизана борьбой двух тенденций: прогрессивной – тяготением к традициям русской реалистической литературы и реакционной – тяготением к отсталым традициям восточной литературы.

Эта статья вызвала резкое неприятие М. Ауэзова. Он направляет в свою защиту «Открытое письмо» в «Литературную газету», где, опровергая ложные политические обвинения, говорит: «Трудно себе представить более разительный пример грубейшего, однобокого охаивания и склочного поношения 30-летней деятельности человека, чем это сделано в статье С. Н. Нурушева.

Ведь все эти вопросы и есть проблемы науки, объективного научного спора равноправных мнений. И я категорически осуждаю тон и манеру Нурушева – свои бездоказательные, несостоятельные и антинаучные домыслы считать марксистскими, а противное мнение Ауэзова называть националистическим, панисламистским и т. д. Не случайно Нурушев старается утаить от читателей и мои статьи, всецело говорящие о глубоких связях творчества Абая с русской классической литературой, их не одна, а несколько, и ряд подобных моих работ опубликован в московских изданиях» [7].

В связи с критикой трудов М. Ауэзова по проблемам абаеведения рассматривалась и вышедшая в 1950 году третья книга романов об Абае под названием

«Акын-ага». Хотя в 1951–1952 годах была опубликована новая редакция книги под названием «Путь Абая», где были творчески реализованы наиболее существенные и объективные замечания критиков, эта работа писателя совершенно не принималась во внимание, а объектом критики оставалась ее первая редакция. В связи с этим Е. В. Лизунова отмечает, что наиболее сложная судьба сложилась у третьей книги романа, впервые опубликованной как «Наставник поэтов» («Акын-ага»). Она вышла в разгар дискуссии о так называемой «поэтической школе» Абая. Так, на объединенном заседании Института языка и литературы и Союза писателей Казахстана Сабит Муканов, выступая с докладом на тему «О литературной “школе” и учениках Абая», останавливается на образе Шубара из романа «Акын-ага»: «Нет сомнения, что для Шубара является прототипом Шакарим. Это видно хотя бы из того, что Шубар, конкурируя с Магавьей, пишет поэму “Енлик – Кебек”. Всем известно, что эта поэма написана Шакаримом». Перечислив факты биографии «алашординца», «националиста» Шакарима Кудайбердиева, С. Муканов считал себя вправе сделать суровое внушение писателю: «М. Ауэзов однажды жестоко поплатился за то, что последовал за Шакаримом. То, что тов. М. Ауэзов продолжал относиться с благоговением к имени контрреволюционера Шакарима, когда он оказался ярым бандитом, по меньшей степени совестно» [8].

В ходе дискуссии по проблемам абаеведения М. Ауэзову ставились в вину «...идеализация байско-феодальной верхушки в I и II томах Истории казахской литературы, восхваление ханов в связи с “учениками” Абая, проведение защиты диссертаций, идеализирующих ханско-феодальную старину, – главенствующая роль М. Ауэзова во всех этих неприглядных делах... в течение долгих лет... хочет М. Ауэзов или не хочет, – ведет к буржуазному национализму» [8]. Не имея возможности в печати ответить на многие необъективные, клеветнические статьи и выступления, М. Ауэзов 5 июня 1953 года обращается к К. Симонову, как главному редактору «Литературной газеты», где настаивает на скорейшей публикации своего «Открытого письма», что имело для писателя огромное значение:

«Дорогой Константин Михайлович!

Чтобы не беспокоить Вас лишними звонками и визитами, пишу пару слов перед отъездом и прежде всего приношу Вам свою искреннюю и глубочайшую благодарность за все человеческое, принципиальное и серьезное, отзывчивое Ваше отношение к моим делам, которые одновременно являются и делами Союза.

Одну только просьбу высказал бы напоследок: это о выходе статьи в ближайшее время. Необходимость этого вызывается теми благоглупостями, которые нагромождают одна на другую Нурушевы, не встречая себе отпора. А высказанное на страницах органа Академии уже выдается ими же как авторитетное мнение от науки. Следуют обсуждения, перепечатки, пересмотры в программах вузов, учебниках школ...

Так и получается, как сказал Суфи Алла-Яр, “порвешь одно покрывало, порвутся тысячи за ним”. Вот почему очень и очень просил бы ускорения выхода статьи, чтобы хоть на дни уменьшить пытки на обнаженных нервах» [7].

Опровергая все обвинения в подходе к изучению наследия Абая Кунанбаева с националистических позиций, М. Ауэзов в «Открытом письме» утверждал: «Основное русло моих творческих устремлений за минувшее десятилетие и на ближайшие годы определилось моими романами о столетнем периоде жизни казахского народа. Полвека дореволюционного прошлого из этой истории я

связываю с именем поэта-классика Абая. Через его личность и общественные идеалы, через длительную борьбу со старым миром и судьбу его я стремлюсь образно выразить глубоко ответственный процесс переосмысления истории своего народа» [7].

Близкие друзья М. Ауэзова среди русских писателей и ученых-литературоведов стремились, сопереживая, оказать ему поддержку. Одним из ярких примеров этого является письмо известного русского критика К. Л. Зелинского: «Дорогой Мухтар Омарханович! Получил Ваше письмо, "Большевик Казахстана" с рецензией о романе "Путь Абая" и вырезку из статьи Нурушева... Я понимаю и разделяю ваше справедливое желание восстановить истину. Но я понимаю и чувствую также другое: душевную тревогу и грусть. И здесь мне хочется сказать Вам не слова утешения (в чем Вы не нуждаетесь), а пригласить посмотреть на Ауэзова с широкой государственной точки зрения. С этих позиций творчество Ауэзова предстанет Вам как замечательное явление советской культуры. Оно сложилось не сразу таким, каким мы видим его сегодня. Оно образовано в процессе борьбы, выросло вместе со всей советской культурой. Это слишком большой талант, недаром получивший отклик у сотен тысяч читателей всего Советского Союза, чтобы можно было отнестись равнодушно к его судьбе. И поэтому, как бы ни пытались новорапповские выскочки, люди типа Нурушева снизить значение такого явления, как Ауэзов, попытаться отпихнуть его в лагерь врагов, националистов, это не может удасться. Действительно, борьба с национализмом, вообще вся борьба, какая происходит в литературе, это важная вещь. Ведь Вы сами в ней участвуете. Но я согласен с Вами, что новорапповские тенденции, имеющиеся в части нашей критики, чрезвычайно мешают серьезной научной борьбе за истину. Впрочем, мы с Вами, пожилые люди, прекрасно понимаем, что ко всякому большому делу обычно примазываются демагоги, крикуны, пенкосниматели, люди, пытающиеся нажить политический капитал.

...В частности, я скажу Вам по поводу выступлений Нурушева об Ауэзове в Москве. Насколько мне известно, это выступление не произвело впечатления, на которое рассчитывал оратор. Во всяком случае, если говорить об Институте им. Горького, по поводу мнения научной среды, – что вас интересует, – то я могу сказать с совершенной определенностью: мнение об Ауэзове создано Вашими произведениями. Не так-то просто его поколебать.

...Что касается самокритики, то я, как человек, погрешивший в прошлом против марксизма, знаю ей цену и отношусь к ней, как человек, который охотно входит в реку, чтобы омыться от скверны. Но важно, чтобы река была чиста и прозрачна. Не правда ли?» [7]

Пытаясь защитить себя от необоснованных обвинений и клеветнических выпадов, в апреле 1953 года М. Ауэзов пишет на имя А. А. Фадеева, А. А. Суркова, К. М. Симонова:

«Как человек к человеку, как писатель к писателю, однажды в жизни, я обращаюсь к вам троим в очень трудный момент моей жизни в состоянии большой моральной подавленности. Прошу вас о немногом, а именно, познакомиться с данным моим заявлением и познакомиться лично с теми двумя материалами, которые я приложу к настоящему своему заявлению, и сказать, где следует (где и как вы найдете нужным), свое слово за писателя, известного Вам хотя бы своей творческой писательской деятельностью.

Один из приложенных документов – это копия моего заявления на имя министра культуры СССР тов. Пономаренко, а другой – мое выступление на недавно проведенной в Алма-Ате дискуссии по казахскому эпосу. По этим материалам можно получить ясное представление о тех условиях и обстоятельствах, в которые я поставлен сейчас.

...Я не стану распространяться о цикле своих романов об Абае. Одно только скажу о них, что, являясь самыми крупными произведениями моей интеллектуально-творческой деятельности, они и при наличии отдельных недостатков никак не являются книгами, пропагандирующими национализм. Наоборот, самым главным их достоинством, самой сокровенной сутью являлась глубокая, искренняя любовь к русской культуре, русскому народу, его истории...

Умалчивая самые значительные стороны моей многолетней положительной деятельности и вынося самые беспощадные и безудержно-грубые политические обвинения, люди совершают чрезмерное насилие над моей личностью и тем наносят глубокий ущерб моей сегодняшней напряженно-творческой деятельности честного советского писателя. Вот почему я настойчиво прошу Вашего вмешательства и справедливого заступничества хотя бы в тех моментах, где я прав и где люди переходят грани дозволенного, нарушают требования товарищеской критики и становятся на путь обидного невыносимого охаивания...» [7]

Успешная и исключительно плодотворная педагогическая работа М. Ауэзова в стенах Казахского государственного университета была прервана весной 1953 года в связи с поднятой против него клеветнической кампанией.

12 марта 1953 года был издан приказ по Казахскому государственному университету № 187, подписанный и. о. ректора доцентом Х. Сайкиевым: «...За систематическое допущение в своей научно-педагогической деятельности ошибок националистического характера профессора кафедры казахской литературы Ауэзова М. О. освободить от занимаемой должности». Одновременно М. Ауэзов отстранялся от руководства аспирантами первого года обучения С. Ордалиева и К. Куттыбаева.

Это решение было глубоко несправедливым, безо всяких оснований бросавшим тень на честное имя художника и ученого. В то время М. Ауэзов был лауреатом Сталинской премии 1-й степени, действительным членом АН КазССР, доктором филологических наук, профессором, известным писателем уже не только в СССР. Но все это не могло защитить М. Ауэзова от тяжелых клеветнических обвинений. Отстаивая свои права, М. Ауэзов обращается к министру культуры СССР П. Пономаренко с заявлением от 21 апреля 1953 года, где пишет:

«...Указанный приказ кроме суровой формулировки не подкреплен никакими действительными данными. Например, не было ни одного случая стенографирования моих лекций в университете, не было ни одного заседания кафедры, деканата или ректората, где бы когда-нибудь ставился вопрос о неудовлетворительности или о политической ошибочности моих лекций.

Я читаю лекции в казахстанских вузах, с небольшими перерывами, более двадцати лет. А именно, с 1932 года начал читать лекции по казахскому фольклору в Казахском педагогическом институте им. Абая в Алма-Ате. За все эти годы также не было обсуждения моих лекций, тем более не было никаких критических, осуждающих мои научно-педагогические, лекторские занятия решений, выводов в вузовских коллективах...

...Не имея даже хотя бы одной страницы застенографированной моей лекции, лишь опираясь на общие, осуждающие заметки республиканских газет, однобокие выступления отдельных лиц на некоторых собраниях, ректорат университета принял упомянутое суровое решение. Оно лишает меня всякого права чтения лекций в советских вузах. Это тяжелое политическое обвинение советскому ученому одновременно порочит и мою личность, всю мою деятельность советского писателя...» [7]

Все попытки М. Ауэзова добиться справедливого решения кончаются неудачей. Его обращения в ЦК Компартии Казахстана остаются без внимания.

Вокруг М. Ауэзова создается нестерпимая обстановка, и он вынужден уехать в Москву, где защиту и поддержку оказали ему ряд крупных русских писателей и ученых. Его приглашают на педагогическую работу в МГУ им. М. Ломоносова. В 1953 году на филологическом факультете МГУ была образована кафедра литератур народов СССР, и М. Ауэзову была предложена должность профессора кафедры. Таким образом, будучи первым казахом – профессором МГУ, М. Ауэзов читал лекции по казахской литературе и литературе народов СССР. Лекции М. Ауэзова вызывали большой интерес. Его приходили слушать студенты и преподаватели не только филологического, но и других факультетов МГУ.

Однако в Казахстане продолжают преследование писателя. 21 июня 1953 года «Казахстанская правда» дает редакционную статью «По поводу романа М. Ауэзова "Абай"», где не отмечено ни одной положительной стороны романа и он представлен как сплошная цепь националистических ошибок и заблуждений. Статья имела цель ошельмовать писателя, полностью опровергнуть главный труд его жизни. В статье нет ни одного положительного слова, она полностью посвящена перечислениям «ошибок», допущенных М. Ауэзовым. В чем «Казахстанская правда» видит грубые «ошибки» М. Ауэзова? По словам газеты, «основной недостаток романа состоит в том, что М. Ауэзов неправильно подходит к раскрытию образа центрального героя – Абая... В замаскированной форме автор пытается изобразить в качестве положительных героев, якобы оказавших влияние на Абая, презренных предателей казахского народа, впоследствии ставших матерыми буржуазными националистами».

В архиве НКЦ «Дом Ауэзова» обнаружена рукопись с замечаниями автора к редакционной статье «Казахстанской правды», охарактеризованной писателем как «очередная попытка изничтожения вместо критики».

М. Ауэзов блестяще вскрывает полную несостоятельность выдвинутых против него обвинений. В частности, в романе упоминается «враг народа» Тураш. Если обратиться к тексту произведения, то можно обнаружить, что имя Тураш носит грудной ребенок, сын Абая от Айгерим, которой впоследствии якобы стал националистом-алашордынцем. М. Ауэзов готов согласиться с утверждением, «что не нужно было упоминать его имя, даже как ребенка, но допустимо ли на этом основании возводить такое вопиющее, несправедливое, насквозь лживое обвинение на автора, будто в его романе "Абай" идеализируется враг народа Тураш, когда ему было два года, и он упоминается лишь как биографическая деталь в связи с описаниями состояния одной только Айгерим!»

Писатель выступает против попыток «осовременивания» образа главного героя романа: «...Абай не был главарем восстания, не был революционным идеологом массового народного движения. Он был сыном ага-султана, жил и рос в

среде представителей эксплуататорских классов». Нужно согласиться с мнением М. Ауэзова, что желание автора статьи «видеть народное в книге только в изображении жизни, быта бедных семей аула и бедных людей в этой связи выглядит вульгаризацией марксизма-ленинизма. Абай должен быть показан в правдивой, характерной для него исторической среде, а в этой среде он должен быть изображен как выразитель дум, чаяний и стремлений народа». Писатель убежден, что «...необходимо оградить советскую литературу, советских писателей от всех и всяких хулителей и корыстных людей, которые приходят в литературу не ради интереса, а для того, чтобы около литературы оправдать свое призрачное существование» [7].

М. Ауэзов никогда не терял присутствия духа и с большой уверенностью в своей правоте продолжал напряженно трудиться, невзирая на преследование и непрекращающиеся нападки.

Говоря об этом времени, он писал Валентине Николаевне Ауэзовой в феврале 1954 года: «...Ощущение нестареющих, живых связей с жизнью является источником моей творческой, писательской жизни. Ты знаешь, как я могу теперь работать. Поразительно, что я смог первую редакцию романа в 24 листа продиктовать за 3,5 месяца и после таких пережитых мною терзаний. Здесь я обнаружил, объективно говоря, устойчивую и упорную моральную силу, силу духа правого и убежденного в своей чистоте и правоте честного труженика. И я ничуть не постарел, не сдал от того, что мучили меня недостойные людишки, негодными средствами. Как я был прав, когда в самые лютые дни травли говорил тебе и друзьям, что так не скажут обо мне ни партия, ни народ советский, а говорят случайные и нечестные элементы. Вот с таких позиций я смотрю и на свои теперешние труды в Москве. Работаю бодро, продуктивно и с неугасимым светом таким в душе...» [9]

Только после смены руководства республиканской партийной организации весной 1954 года М. Ауэзов смог вернуться в Алма-Ату и спокойно заняться творческой, научной и педагогической работой. С него были сняты все политические обвинения.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что существовало два направления в критических изысканиях конца 1940-х – начала 1950-х годов: «уголовно-разоблачительное», основанное на фальсификации фактов и поверхностном знакомстве с текстами, ориентированное на вскрытие классовых корней «буржуазно-националистических взглядов М. Ауэзова», и объективное, подлинно научное, опирающееся на методические принципы литературоведения и позволяющее изучить художественный мир цикла романов об Абае Кунанбаеве и месте художника в истории советской и мировой литературы, раскрыть различные грани его писательского дарования.

Рассмотренные нами идейные схватки тех лет позволяют по-новому взглянуть на судьбу автора и его творения. С высоты сегодняшних дней раскрывается весь трагизм положения писателя времен борьбы с космополитизмом и буржуазным национализмом. На наш взгляд, «разгромные», «обвинительные» выступления тех, кто воспринял партийные постановления тех лет в качестве руководства для составления списков политически неблагонадежных лиц, оказали негативное воздействие на писателя и его книгу, в последних частях которой особенно усиливается публицистическое начало.

М. Ауэзов, вынужденный реагировать на замечания идеологических инстанций, вносит существенные коррективы в тексты своих произведений, подготавливает их новые редакции (так было с романом «Акын-ага»). При этом заметно завышалась роль авторского слова в повествовательной структуре, чувствовалось стремление в характерах и поведении действующих лиц высветить в первую очередь социально-классовые мотивы.

В этой связи следует отметить, что первая часть эпопеи, о детских и юношеских годах жизни Абая, чаще всего упоминаемая в те годы в полемически заостренных отзывах и рецензиях как книга, поэтизирующая патриархально-родовой строй, во многом лишена тенденциозности.

Роман о жизни великого поэта-мыслителя Абая Кунанбаева, о полувековой истории, культуре родного народа, воссоздавший и процессы крушения патриархально-родового строя, и трансформацию народного сознания в период социальных катаклизмов, представляет огромную философскую ценность и в свете истории его создания требует поиска новых подходов в его изучении и оценке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив СП СССР. Оп. 28. Д. 76. Л. 17 об.
2. Каип-Назаров М. Казахская литература в борьбе с буржуазными влияниями. Казкрайиздат, 1932.
3. Каип-Назаров М. За перестройку КазАПП под лозунгами партии // «Казахстанская правда». 1932. 27 февраля.
4. «Большевик Казахстана». 1947. С. 50.
5. Архив НКЦ «Дом Ауэзова». П. 500.
6. Вестник АН КазССР. 1951. Г. 4. С. 7.
7. Архив НКЦ «Дом Ауэзова». П. 570.
8. Архив НАН РК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 81. Св. 7Л.
9. Архив НКЦ «Дом Ауэзова».